

Глава 20. Болезнь Цзыяня

Ань Цзыянь проснулся только к вечеру. Голова всё ещё была тяжелой, словно от бесконечного, вязкого сна. Чоу Хуайшэн к этому времени уже приготовил ужин. Во время трапезы он то и дело клевал носом; несколько рисинок прилипли к его щеке. Заметив это, Хуайшэн мягко потянулся к нему и смахнул их пальцами. От этого мимолетного прикосновения Цзыянь испуганно встрепенулся, а остатки дремоты мгновенно улетучились.

— Ну что за ребенок, — с тихой усмешкой поддразнил его Хуайшэн, глядя на его вспыхнувшие щеки. — Столько лет уже, а ешь до сих пор как малое дитя.

От этих слов Цзыянь смутился ещё сильнее.

— Я... я просто не до конца проснулся, — пробормотал он, поспешно утыкаясь в пиалу и не смея поднять взгляд на Хуайшэна. Он принялся усердно орудовать палочками, стараясь спрятать лицо.

— Цзыянь, я хотел спросить кое-что, — тон Хуайшэна вдруг сделался серьезным. Он пристально, не отрываясь, посмотрел на юношу.

— Да... что именно? — Цзыянь послушно поднял голову, встречая его прямой взгляд.

— Ты... боишься меня? — Хуайшэн все-таки не выдержал и задал вопрос, который давно не давал ему покоя. Хотя их общение вернулось в прежнее русло, он время от времени замечал в поведении Ань Цзыяня странную, робкую опаску.

— Вовсе нет! — поспешно возразил тот, но тут же отвел глаза, почувствовав, как предательски дрогнул голос. — С чего бы мне тебя бояться, брат Хуайшэн? Ты ведь так заботишься обо мне...

В груди у него все сжалось от страха. Зачем Хуайшэн завел этот разговор? Неужели он обо всем догадался? Неужели заметил те чувства, что Цзыянь так отчаянно пытался скрыть? Если брат узнает о его запретной любви, то наверняка оттолкнет его. Мысль о потере этой близости была невыносима.

— Тогда почему ты так долго меня избегал? — Хуайшэн сразу понял, что юноша лукавит. — Я уж грешным делом подумал, что ненароком обидел тебя или напугал.

— Нет, нет, что ты! Ты ни в чем не виноват, брат Хуайшэн, это ты напрасно... — Цзыянь умоляюще посмотрел на него. — У меня действительно была причина, но... прошу, не заставляй меня говорить о ней. Пожалуйста.

Хуайшэн вздохнул. Видя искреннее смятение в глазах юноши, он не стал настаивать.

— Хорошо. Раз не хочешь — я не стану допытываться. Но пообещай, что больше не будешь таить от меня обиды. Ты ведь зовешь меня братом, а между братьями не должно быть секретов, — мягко сказал он, и в его взгляде скользнула глубокая нежность.

— Я обещаю. Спасибо тебе, брат Хуайшэн, — тихо отозвался Цзыянь и слабо, благодарно улыбнулся.

— Ну полно, остывает всё. Ешь давай, — Хуайшэн заботливо положил в его пиалу сочный кусок мяса.

Дальше ужинали в уютном молчании. Когда с едой было покончено, Цзыянь наотрез отказался от помощи и сам принялся мыть посуду. Хуайшэн спорить не стал — лишь улыбнулся и ушел готовить для него вечернюю целебную ванну.

Приведя кухню в порядок, Цзыянь вышел во двор. Вечерняя прохлада приятно освежала лицо. У раскидистого дерева сиротливо покачивались новенькие качели, сбитые Хуайшэном ещё днем. Он подошел ближе. Не решаясь сесть, он просто коснулся шершавой веревки ладонью, слегка сжав её пальцами.

Разумеется, он знал, чьих рук это дело. На душе сделалось невыразимо тепло. Ему с самого детства отчаянно хотелось покачаться, но строгий отец-ван всегда сурово обрывал его, заявляя, что негоже наследнику баловаться девичьими забавами. Но ведь и силенок, чтобы скакать на лошадях и махать мечом, как его младший брат Ань Цзыпин, у него тоже никогда не водилось. В их поместье качелей не держали, а те немногие, что он видел в Императорском саду, предназначались лишь для маленьких принцесс и принцев.

Впрочем, память упрямо нашептывала другое. Когда-то давно, в раннем детстве, качели в их поместье всё же были. Отец тогда приказал верному Мо Линю соорудить их специально для маленького Янь-эра. Цзыянь помнил, как Ань Шаоцин сам стоял позади него, осторожно, едва заметно подталкивая сиденье, страшась, что хрупкий ребенок сорвется и расшибется. Но шло время, мальчик рос, а болезнь пускала корни все глубже. В конце концов качели разобрали и убрали с глаз долой.

Стоя под сенью листвы, Цзыянь невольно предался воспоминаниям о тех днях, когда недуг ещё не выпивал из него последние силы. К счастью, скоро этому придет конец. Ещё немного, и он избавится от вечного клейма немощного калеки, заживет нормальной жизнью.

— Ну как, нравятся? — негромкий голос заставил его вздрогнуть. Хуайшэн неслышно подошел сзади. — Специально для тебя мастерил. Подумал, тебе придется по душе. Не хочешь опробовать?

Нравятся? О боги, да он был в чистом восторге! Цзыянь обернулся, его лицо сияло искренней, детской радостью.

— И как ты только угадал?.. Спасибо, брат Хуайшэн. Но, пожалуй, я попробую завтра. Уже совсем темно, — хоть ему и безумно хотелось взлететь на них прямо сейчас, разум возобладал над минутным порывом.

Хуайшэн бросил взгляд на усыпанное звездами небо и согласно кивнул:

— Твоя правда. Ступай-ка лучше греться, вода уже готова. Чистые одежды я оставил на ширме.

— Спасибо за заботу, брат Хуайшэн. Тогда я пойду, — Цзыянь послушно направился к купальне.

Оставшись в одиночестве под старым деревом, Хуайшэн помедлил, а затем, поддавшись необъяснимому порыву, сам опустился на деревянное сиденье. Не отрывая подошв от земли, он принялся едва заметно покачиваться взад-вперед. В детстве он тоже грезил о качелях, но матушка вечно качала головой, считая это пустой забавой. А когда он вырос и обрел силу построить их сам, время безвозвратно ушло.

Ночной ветер взъерошил его длинные, несобранные волосы, закружил в воздухе сухие листья. Плыл едва уловимый, свежий аромат ночных цветов — ненавязчивый, целебный, способный смыть любые печали и прогнать дурные мысли.

Лето на горе Небесного Духа выдалось прохладным, гораздо свежее, чем на равнинах, но здешних светляков это ничуть не пугало. Густые бамбуковые заросли у Павильона Хранящего Облака так и кишели крошечными зелеными огоньками, озаряя сочные стебли призрачным, волшебным сиянием. В самые жаркие дни, на праздник Дуанью, Хуайшэн любил выносить под дерево плетеный шезлонг. Цзыянь, вечно кутающийся в плотные одежды из-за своей зябкости, усаживался рядом. Так они и коротали часы, беседуя обо всем на свете — от премудростей канонических книг до изящества древней поэзии.

Минуло добрых полчаса, прежде чем распаренный после целебной ванны Цзыянь появился на пороге. Он подошел к Хуайшэну, встав с ним плечом к плечу. Ночной порыв ветра шумно прошелся по кронам деревьев, и юноша невольно поежился, зябко обхватив себя руками.

— Замерз? Ступай в дом, нечего тут сырость собирать, — заботливо проворчал Хуайшэн.

— Не хочется, я ведь только вечером проснулся. Сна ни в одном глазу, — тихо ответил Цзыянь.

Слабость действительно отступила, оставив лишь хрустальную ясность мыслей. Осознание того, что через полгода ему придется покинуть гору Небесного Духа и навсегда расстаться с тем, кого он так безоглядно любил, щемило сердце. Цзыянь дорожил каждым мгновением, проведенным рядом с Хуайшэном, пусть даже это было простое, безмолвное стояние под ночным небом.

— Ну тогда хоть накинь что-нибудь, не хватай простуду, — вздохнул Хуайшэн, понимая, что упрямого гостя в постель сейчас не загнать.

Цзыянь благодарно кивнул и скользнул в дом. Обрато он вернулся, бережно укутавшись в белоснежную лисью шубу. Мех был безупречным, без единого темного пятнышка — этот подарок заботливый папа Фэн Бэйцэ положил ему в дорогу, прослышав про суровые горные ветра Небесного Духа. Обычному человеку такой шубы хватило бы, чтобы пережить самую лютую зиму, но для вечно ледяного Цзыяня она была спасением даже прохладным летним вечером.

— Брат Хуайшэн... когда я вернусь в столицу... если у тебя будет время... ты наведишь меня? — этот вопрос уже давно зрел у него на душе, но лишь сейчас Цзыянь набрался смелости озвучить его.

— Если выпадет случай — непременно приеду, — тепло улыбнулся Хуайшэн. — Главное, чтобы ты к тому времени не позабыл своего названного брата.

— Как я могу! — поспешно воскликнул Цзыянь, но в груди у него разлилась щемящая тоска. Забыть его? Да он скорее дышать разучится.

— Да шучу я, шучу, — Хуайшэн негромко рассмеялся, но тут же вздохнул: — И правда, летит же время... Будто только вчера ты приехал.

Цзыянь лишь молча смотрел вдаль. Ему и самому казалось, что дни утекают сквозь пальцы песчинками. Писем из дома давно не было; интересно, женился ли уже младший брат Цзыпин? Как бы ни было больно покидать эту тихую обитель, сердце его рвалось к семье. Хотелось воочию убедиться, что у родных все благополучно.

Они замолчали, растворяясь в прохладном ночном покое. Ветер доносил терпкие ароматы горного разнотравья. Ни один из них не решался заговорить о грядущем — пустые думы о завтрашнем дне лишь отравляют нынешнее хрупкое счастье. Так они и простояли до самой полуночи, прежде чем разойтись по своим комнатам.

Увы, предсказание Хуайшэна сбылось с пугающей точностью. На следующее утро Цзыянь проснулся с жестокой лихорадкой. Болезнь навалилась внезапно, сковав тело слабостью. Осмотрев его и взяв за пульс, Хуайшэн облегченно выдохнул: ничего страшного, обычная простуда от ночного сквозняка. Нужен лишь покой и тепло.

Лежа под тяжелым одеялом, Цзыянь тихо злился на собственную немощь. Ну надо же быть таким хрупким! Ведь и шубу лисью накинул, а все равно ухитрился слечь. Предыдущая хворь едва-едва отступила, и вот опять... Какое же безграничное терпение нужно иметь Хуайшэну, чтобы безропотно выхаживать его раз за разом! Будь на его месте кто-то другой, давно бы уже проклял этого вечного доходягу.

— Ну все, больше никаких ночных прогулок под луной. Моя оплошность, не доглядел, — с укором покачал головой Хуайшэн.

Цзыянь пылал лихорадочным румянцем. Пожалуй, лишь в такие моменты его лицо приобретало хоть какие-то краски, ведь обычно его кожа пугала мертвенной, почти прозрачной бледностью. Но этот нездоровый жар радовал мало.

Хуайшэн не отходил от постели больного ни на шаг. Он то и дело смачивал холщовое полотенце в ледяной колодезной воде и бережно прикладывал к горячему лбу юноши, меняя его каждые четверть часа. Едва лихорадка немного утихла, он поспешил на кухню заварить лечебный отвар. Однако, когда он вернулся с дымящейся пиалой, Цзыянь уже забылся глубоким, мирным сном. Хуайшэну оставалось лишь тихо вздохнуть и поставить снадобье на столик.

Простуда миновала так же быстро, как и началась, не доставив особых хлопот. Но Цзыяню все равно было неловко за свою слабость, и после этого случая он больше не смел задерживаться допоздна во дворе. Чтобы скрасить его вынужденное затворничество, Хуайшэн целыми днями оставался в комнате. Они тихо беседовали, читали вслух, коротали часы за игрой в вэйци или упражнялись в каллиграфии и стихосложении.

<http://bllate.org/book/18341/1822909>